

Симонович Вениамин Авелевич

В новом Шлиссельбурге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В29

В29 **Вениамин Авелевич С.**
В новом Шлиссельбурге / Симонович Вениамин Авелевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 194 с.

ISBN 978-5-519-73605-3

В новом Шлиссельбурге 1905-1907 гг.: воспоминания

ISBN 978-5-519-73605-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бря 1905 г. по «высочайшему» повелению шлиссельбургская «государева тюрьма» была упразднена.

Но ненадолго.

С конца 1906 г., когда подавление революции и расправа с революционерами, участниками массовых стачек и восстаний, повели к переполнению тюрем, общего назначения и каторжных, осужденными в каторжные работы, — Шлиссельбургская тюрьма была приспособлена в качестве каторжного централа, куда отправляли и политических и уголовных арестантов.

О том, в каких условиях приходилось отбывать срок каторжных работ в «новом» Шлиссельбурге участникам массового революционного движения, в подавляющем большинстве своем — рабочим и крестьянам, — шедшим под руководством большевистской партии, — и рассказывает т. Симонович. Рассказ этот не претендует ни на исчерпывающую полноту в описании режима и происходивших на каторге событий, ни на художественность изображения описываемого. Широким кругам нашего массового читателя воспоминания т. Симоновича, написанные простым, доступным языком, дадут возможность чуть ли не впервые проникнуть воображением за стены неприступного когда-то Шлиссельбурга, в обстановку мрачных застенков и казематов, где победившая на время буржуазно-помещичья реакция справляла свой позорный и мрачный пир, стоявший сотням рабочих и крестьян, попавшим на каторгу, неисчислимым пыткам, неизмеримым страданиям, которые многим стоили жизни.

Тов. Симонович не большевик. Но, как рабочий и участник революционного движения 1905—07 гг., попавший за это на каторгу, — он полон ненависти к буржуазно-помещичьему строю, к царизму, к тому режиму, который установили в «новом Шлиссельбурге» и во всех прочих каторжных центрах и тюрьмах царские сатрапы и палачи. И потому его рассказ об

этом режиме способен зажечь сердца наших читателей глубокой ненавистью к тому прошлому, которое навсегда похоронено Октябрьской революцией под развалинами царизма и буржуазно-помещичьего строя.

Пусть читатель этих воспоминаний увидит, как попавшие в лапы тюремных палачей большевики, составлявшие меньшинство в громадной массе каторжан, и за ними близкие им по своим революционным взглядам и настроениям честные интеллигенты и рабочие из других партий не прекращали своей борьбы с врагами рабочего класса даже в самых ужасных условиях шлиссельбургского застенка. Эта борьба не была оторванной от борьбы рабочих на фабриках, заводах и копях, от борьбы крестьян за землю. Февральская революция, выполненная рабочими и солдатами Петрограда при поддержке трудящихся всей страны, повалила самодержавие, а вместе с ним и эту страшную Бастилию — Шлиссельбургскую каторжную тюрьму. Она выпустила сохранившихся в живых борцов революции 1905—1907 г. на волю, на дальнейшую борьбу, на борьбу за непосредственное завоевание диктатуры пролетариата для уничтожения эксплуататорских классов и для построения социализма в нашей стране.

М. Константинов.

I. В ШЛИССЕЛЬБУРГ

Рано утром в камере Петербургской пересыльной тюрьмы началось хлопанье дверей. Надзиратель выкликал заключенных: «Сергеев, Никитин, Закгейм, Энгельгардт, Симонович, собирай вещи, — выходи на эт-а-а-п!»

Гремя кандалами, один за другим, с чайниками и котомками на плечах, выходили узники из камер, направляясь на тюремный двор. Этап наш был большой, человек 80, все молодежь, преимущественно от 20 до 25 лет. Разбив на три группы и выстроив парами, нас окружила толпа конвойных. Начальник конвоя скомандовал: «Шашки вон! Шагом марш!» Блеснуло оружие, зазвенели кандалы, и мы молча, каждый погруженный в свои думы, пошли по направлению к вокзалу Ириновской железной дороги.

Все время за нами следовала вольная публика. Одни смотрели на нас с негодованием. Доносились ругательства: «А, попались, смутьяны — жулики, — туда вам и дорога». Другие шарахались от нас в сто-

рону, как от зачумленных, но затем, пропустив, останавливались и долго провожали нас глазами. Сердобольные прохожие передавали конвойным подаяние для «несчастных во спасение души» и крестились нам вслед. Но среди толпы, следовавшей за нами, было немало людей, которые осмысленно заглядывали в наши лица, как бы выражая нам свое сочувствие, а может быть, и солидарность. Слышались и такие восклицания: «Все молодые! Какие они измученные, изнуренные и бледные! Ах, бедняжки, бедняжки, ведь они еще и свету не видели!» Некоторые плакали и вытирали слезы; это были родные, провожавшие своих близких в страшную Шлиссельбургскую тюрьму.

Вокзал Ириновской железной дороги, куда нас пригнали, обыкновенно пустой и тусклый, в этот серый день показался мне особенно мрачным, что вполне соответствовало нашему подавленному настроению. Не слышно было обычных шуток и разговоров, каждый был занят самим собой, своими тяжелыми думами.

После нескольких часов езды в душных, жарко нагретых вагонах, мы приехали на станцию Шереметевка, находившуюся в 3 километрах от крепости. С вокзала нас сейчас же отправили в крепость. Мы шли тихо, часто спотыкаясь и увязая в снежных сугробах, неуклюжие арестантские коты падали с ног, а наши цепи звенели, нарушая тишину города. Спустились к Неве. Напряженно всматриваемся в даль, но крепости не видно, она точно притаилась, спряталась от нас. Через несколько минут показалась высо-

кая башня, как будто сторожившая подступы к крепости, начавшая вырисовываться яснее и яснее. Вот уже показались серые мрачные крепостные стены и круглые башни, от которых веяло жестокостью и ужасом средневековья. Нахлынули воспоминания о наших предшественниках, томившихся долгие годы в этих стенах...

Мы подходили к массивным дубовым воротам, над которыми хищный двуглавый орел — эмблема деспотизма и дикого насилия — распростер свой железные крылья. Под ним памятная надпись: «Государева».

Нагибаясь, один за другим, мы прошли через калитку ворот и очутились внутри Государевой башни. Обдало запахом плесени и сырости. Мы взглядывали друг на друга, как бы желая сказать: «Отсюда не будет возврата, — мы попали в могилу». С мрачными думами мы вошли в Шлиссельбургскую тюрьму. Это было 27 декабря 1910 года.

Нас повели направо от входа — в новое, только что выстроенное здание, носившее название «четвертый корпус». В подвальном этаже корпуса помещались: столярная мастерская, цейхгауз, две кочегарки парового отопления и десять карцеров, из которых три были темные. Первый этаж занимали кабинеты начальника Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и его помощников, канцелярия, а также камеры свиданий и библиотека. Над ними в двух верхних этажах были устроены: ткацкая, сапожная и портновская мастерские. Над карцерами располагались в четыре этажа одиночные камеры. Пахло масляной краской. Валя-

лись мусор и стружки. Корпус был вчерне уже окончен, но не был населен еще арестантами. Постройка этого здания началась в мае 1909 года и окончена в конце 1910 года. В начале 1911 года корпус начал заселяться каторжанами. В нем помещалось около 500 человек¹.

В канцелярии на столе лежали наши дела. Два старших надзирателя, Дергачев и Адельберг, рассматривали их. Нас долго не принимали. Наконец вошли два помощника начальника в новеньких щегольских мундирах. Один из них—высокого роста, широкоплечий, с выражением довольства на широком красном лице, со свинными, заплывшими жиром глазками, по фамилии Талалаев. Другой — Агафонов — выглядел настоящим ангелом: глаза ласковые, личико улыбающееся, щечки розовые, усики закручены и напояжены, весь чистенький и аккуратненький. Но стоило этому субъекту войти в общение с заключенными, как он сразу из херувима превращался в изощренного садиста.

Перелистывая наши дела и показывая их друг другу, помощники о чем-то шушукались. Вдруг Агафонов ловко повернулся к нам на своих высоких каблуках и заговорил:

— Вот вы пришли из разных губернских тюрем, со всех сторон России, где режимы были неодинаковые: в одном месте слабее, в другом строже. Но здесь

¹ В 4-м корпусе помещались 21 камера по 21 чел. каждая, всего, стало быть, 441 чел. Кроме того, 27 одиночек, в которых обыкновенно сидели подвое.

режим один, режим — каторжный! — Он сделал паузу и выпалил: — Шлиссельбургский! — Вся фигура его при этом дышала счастьем и восторгом.

— Мы требуем от вас, — продолжал Агафонов, — трудолюбия, покорности и полного беспрекословного подчинения. Если кто из вас вздумает этого не выполнить, то у нас закон строгий: тридцать суток темного карцера! Если и это не поможет — запорем! — Он поднял выхолченную руку, словно хотел показать, как будут пороть. — Наконец, если и это окажется недостаточным, у нас есть еще одно средство. — Какое? — расстрелять! — И, повернувшись лицом в сторону Невы, Агафонов указал рукой на реку, злобно добавив: — Одни волны невские будут знать о вас!

После этого «приветствия» нас переодели в новое селье из тюремного жесткого и колючего холста и повели налево от входа, вдоль стен крепости в бывшую казарму жандармской команды и манеж, перестроенные и превращенные в двухэтажную тюрьму, вместимостью на сто десять человек. Это здание, в котором помещалась также и больница, официально получило название «первый корпус», но арестанты называли его: «зверинец».

Войдя в камеру, я невольно вздрогнул от мрачного ее вида. Во всю ее длину шла сплошная железная, решетчатая стена. Я понял, почему арестанты называют первый корпус «зверинцем». Привинченный к стене, опускающийся щит служил вместо стола. Решетчатые стены камер отделяли узенький коридор-

чик, в котором были окна с низкими подоконниками, и батареи парового отопления, дававшие нам тепло.

Старомодную парашу заменял ватерклозет. Коечные рамы были привязаны веревочками к стене; возле них висели жесткие из тюремного холста полотенца и сумочки. В углу стоял общий открытый шкафчик для хлеба. Таков был вид и вся обстановка камеры «зверинца». Куда бы заключенный ни шел, он все натывался лицом, точно зверь, на железную решетчатую стену. Каждое движение, каждое слово видел и слышал надзиратель. От его всевидящего ока укрыться было решительно негде.

Вечером, по свистку надзирателя, возвещавшему «стать на поверку», выстроились. Лязгнуло железо двери, и противная харя Талалаева показалась перед нами. Уставившись свинными глазками на арестантов, он обронил: «Здравствуйте!» — «Здравия желаем, ваше высокоблагородие!» — гаркнула камера. Талалаев прислушался, хорошо ли все ответили, постоял немного, записал что-то на бумажке и ушел. Через некоторое время опять раздался свисток и крик надзирателя: «Ложись спа-ать!».

Пятисвечевая электрическая лампочка зажглась в потолке узенького коридорчика, осветив тусклым светом камеру и арестантов, и все погрузилось в жуткое безмолвие.

Я попробовал было уснуть, но не мог. Каждый раз, когда я высовывал из-под одеяла голову, я видел сидевшего со скрещенными на груди руками и с растопыренными ногами надзирателя, как будто он сидел

на кладбище среди покойников. Почти всю ночь не могли успокоиться резгулявшиися нервы. Я невольно прислушивался к разноголосому храпу и стонам, наполнявшим камеру. Тюремная зимняя ночь, такая длинная, беспросветная, казалась вечностью. К утру лишь забылся в чутком сне.

В шесть часов утра меня разбудил продолжительный тревожный свисток и крик надзирателя: «Вста-ва-ай!». С усилием приподнял отяжелевшие веки и стал протирать глаза. В окна глядел мутный зимний день. В камере было еще тихо, но некоторые уже сидели, вяло опустив головы на колени. Надзиратель все настойчивее и неотвязчивее шагал взад и вперед, скрипя и стуча сапогами, давая этим знать, что довольно нежиться, пора вставать. А по углам клетки продолжали еще спать и во сне стонать. Перенесенному на волю сновидением арестанту тяжело возвращаться за железную звериную изгородь.

II. ХАНЖА ВОРОНОВА

Первые две недели мы отбывали карантин, следовательно, о том что делается в крепости, нам было неизвестно.

Разнообразие в это время внесла старуха Воронова, приехавшая из Петербурга в крепость для бесед с заключенными. По этому случаю старший надзиратель Адельберг вызывал по камерам желающих итти к ней на собеседование. Вновь прибывшие каторжане не

знали Вороновой и были глубоко равнодушны к еѣ душеспасительным беседам, но при нудном однообразии карантинной жизни и Воронова могла сойти за развлечение, так что из многих камер потащились на беседу. «Собеседование», как я узнал, заключалось в том, что Воронова уговаривала узников, разумеется, главным образом политических, писать прошения на имя царя, с изъяснениями полного раскаяния в прежних своих поступках и действиях. Ссылаясь на свои связи с митрополитом и другими высокопоставленными лицами, она обещала исходатайствовать прощение и помилование. Для этого, конечно, заключенный прежде всего должен «уверовать в бога». А чтобы уверовать — нужно было регулярно ходить в церковь. Но одними хорошими отношениями с небесными властями дело не ограничивалось: надо было заручиться также благоволением и земных, т. е. быть на хорошем счету у тюремной администрации.

Не знаю, каковы были успехи в других тюрьмах этой 60-летней девы с раскосыми, как у зайца, глазами, но в Шлиссельбургской каторге она стяжала тихие успехи. Не такова была каторга Шлиссельбургская! Я говорю «тихие», потому что случаи подавательства и крещения по инициативе Вороновой все-таки были. Но эти ее клиенты принадлежали к людям, совершенно чуждым революции.

Крестился еврей Вайсфиш, один из самых жалких людей, которых я когда-либо встречал и видел в тюрьмах и на каторге. Он судился за принадлежность к социал-демократической партии, и суд приговорил